

ЛАБИРИНТ

для ЧЕРНОГО ПСА

Ирина Кашкадамова

16+

Ирина Николаевна Кашкадамова

Лабиринт для черного пса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43029522

SelfPub; 2019

Аннотация

Чудовища и призраки всегда жили в воображении людей. В Античной Греции знали, насколько страшными бывают плоды таких фантазий. Но всё равно находились смельчаки, готовые на спор, отправиться на встречу с исчадиями зла. Для этого они должны пройти Лабиринт и не только подземный под храмом Гекаты, но и свой собственный, заключенный в каждом человеке, где сразиться со своим Минотавром.

Содержание

Дом Аминтора	5
Выпускники	10
Знакомство	13
Спор	20
Храм Экаты	25
В храме	32
Тишина в жилище богини	38
Некрополь	43
Ночное купание	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лабиринт для чёрного пса

Дом Аминтора

В помещении натоплено так, что становилось жарко. Мужчины сидели за крепким дубовым столом. Это не какая-то трапезная или административный зал для пира, это дом александроса, командующего эгейскими войсками, и поэтому тут никто не возлежал за столом, а именно сидели уверенно, спокойно, по-домашнему.

Хозяин дома – довольный раскрасневшийся воин, только что пришедший из похода и окунувшийся в радости семейного быта. У него открытое благородное лицо, обрамлённое короткой ухоженной русой бородой.

Он красив, хотя лишён той слащавости, которая присуща эллинам. Это несколько грубоватая красота мужчины, воина, правителя, облечённого властью и заботами. Постановка его головы, повороты, гордый взгляд – всё выдавало в нём человека, привыкшего командовать армией.

Сквозь этот военный блеск шлемов и щитов просвечивала неудержимая жажда жизни и поиска приключений, выдавая в нём мечтательную и творческую натуру, склонную к авантюрам.

Помещение, в котором они находились, просторное, отделанное дорогими сортами дерева, в тепле источавшими приятные, а главное, полезные ароматы. Не было здесь лишних украшений, хозяин дома не только аристократ, он командо-

вал всеми Эгейскими войсками, у него в доме всё функционально. Если стол, то с большой монолитной столешницей, за который могли сесть соратники, за которым удобно пировать и работать, и который не развалится от крепкого мужского кулака. Если это лавки, то длинные прочные и тяжёлые, чтобы молодые воины с ними по всему помещению не скакали, а то с них станется изображать свои боевые подвиги в лицах. А при взятии полисов Абдера и Маронея их была масса.

Воины довольные, счастливые праздновали свою победу на Фракийском побережье Эгейского моря, расширяя землю своего нового государства – Македонии. Уставшие и довольные после похода они отдыхали, с любовью и нежностью смотря, как две малютки, дочери хозяина, показывали им пантомиму.

Старшая, Клеопатра, лет семи, рассказывала стишок о пчеле-труженице, прославляющей Великую Ма. Маленькая же, Калка, сбитая девочка лет пяти, под всеобщий смех крутила оттопыренной попкой и махала согнутыми ручками, изображавшими крылышки.

– Жу-жу-жу, – жужала малышка.

Гегелох сидел, молча рассматривая друга, весёлого и счастливого отца семейства. Аминтор находился в своём доме, в кругу своей семьи, среди своих друзей, счастливый, довольный красивый сильный воин, умелый полководец.

К нему подошёл сынишка, самый младший. Золотистые

волосёнки ореолом оттеняли наивное детское личико с огромными глазищами. Такие же огромные глаза были у жены Аминтора, уже покойной. Нахохленный, встрёпанный малыш напоминал разбуженного совёнка.

– Агта, я писать хочу, – тихо прошептал малыш. Аминтор сделал знак рукой, и тут же прибежала кормилица и, взяв мальчика за руку, повела его на выход.

Гегелох смотрел на эту простую семейную сцену и вспоминал, как они впервые встретились.

Выпускники

Сам я родился в Людии или, как её называют эллины, Лидии. Мы-то свою страну Мэонией называем. Не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы я не встретил эгейцев. Видимо, остался бы простым, рядовым жрецом в родной Мэонии, рос бы среди таких же, как я. Но всё сложилось иначе...
День ясный тёплый.

Мы были ещё мальчишками. Что делают мальчишки тёплыми летними днями на реке? Правильно, купаются. По берегу реки рос лес густой, но светлый, полный поющих птиц. Зелёная густая трава доходила прямо до воды. Мы худые, го-

лые, бритые наголо, сидели на стволе мёртвого дерева, висящего над водой словно воробьи в дождливый день и оттуда сигали в воду. Много ли мальчишкам надо? Вот и соревновались, кто дольше под водой просидит, кто нырнёт глубже, кто кого наперегонки обставит.

На жрецов отучились, первую степень получили, вот и развлекались, считая себя не только взрослыми, а уже равными Верховным жрецам. Научились раны заговаривать, заговоры и шёпоты снимать, в сны врываться, с душой разговаривать. Ещё научились из тела выходить и в небе парить.

Я чуть ли не первый пробовал. Меня всегда новое, непознанное манило. А по молодости сила через край била, даже выплёскивалась, море казалось по колено. За это имя Ираклий и получил. Сильный был, глупый, безудержный. Скучно мне в Мэонии, развернуться негде было... Вот и развлекался как мог.

Второй такой же безудержный, Маржик. Ему вообще всегда скучно. Лет на пять постарше он нас, и сидение при школе его тяготило.

В тот день мы веселились в реке, как, впрочем, и во все предыдущие. Так могли брызгаться и купаться до ночи, река стала нашим постоянным времяпрепровождением после получения первой степени в школе.

Наше веселье прервала грустно плывущая по течению лодчонка. В ней лежал, точно спал, покойник. Лежал юноша

в светло-сиреневых одеяниях и замшевых сапогах с острым носом.

У молодого человека красиво уложенные тёмно-каштановые волосы. Вокруг него свежесорванные живые цветы. На лодочке тихо позванивал колокольчик даже от слабого дуновения ветерка.

Купаться резко расхотелось.

Я на жреца отучился, многое уже и видел, и понимал. Вот и видел, как от покойного в разные стороны сгустки сиреневые расходятся, нехорошие сгустки, как от чёрной ворожбы, колдовства. Простые люди обычно такое не видят, а тех, кто видит, сразу в жрецы определяют учиться, даже если и денег нет. Просто при храмах живут, зрячие всегда нужны и ценятся. Я с детства был зрячим. Многое, что другим не открывалось, мне ведомо.

Вот эти сгустки фиолетовые, закручивающиеся по спирали, не только признак колдовства, но и того, что человека убили в жреческом поединке. В лучшем случае, если такой сгусток коснётся, болезни не избежать. Покойному они уже причинить зла не могут, вот и ищут себе жертв.

Мы поспешно повылезали из реки, многие даже на берег перебрались и я в том числе. На берегу как-то спокойнее.

На дороге показались путники.

Знакомство

По дороге, мимо леса, медленно шла игреневая кобыла, она тянула за собой телегу. Вокруг неё сгруппировались всадники.

Всадники поспешили к нам.

– Вы кто? – остановил их крупный мужчина на чёрном жеребце.

– Сам не видишь? Жрецы мы местные, – хмыкнул Маржик.

Он всегда любил покрасоваться, вот и теперь стоит, уперев руки в боки, выпятив своё достоинство, по которому определить, жрец он или ещё кто, невозможно. Сиречь, что не евнух, заметно.

– А вы кто, путники, будете?

– Эгейцы мы, македонцы, – из повозки поднялся юноша моего возраста. – Тут лодка с умершим не проплывала?

Я посмотрел на реку, лодка только к нашему бревну подплывала.

– Вон она, – показал я рукой.

– Я же говорил, что перевернуло её... – вздохнул юноша, направляясь к реке.

Такой и в одежде в воду полезет. Сразу видно, что из лесов дремучих выбрался. Я вздохнул и пошёл в воду. Сделал пассы руками, отгоняющие зло. Сгустки злой силы я видел

и к ним не приближался, старательно их обходя.

Силушкой боги не обидели, и раздеваться мне не надо. Почему не оказать хорошим людям услугу? Глядишь – зачтётся.

– Геш, ну куда ты полез?! – крикнул мне вдогонку Маржик.

Гешей меня с детства зовут. Имя мне родители дали Гелен и сестру Геленой назвали, с которой мы вместе родились.

Вот её Гелкой все зовут, а меня Гешей, чтобы не путаться.

– Да лодку им поверну, – отмахнулся я, уже стоя в воде.

Течение сопротивлялось манёврам с лодкой, но куда оно против упрямства человеческого. Повернул я им лодку, и поплыл покойный как положено, ногами вперёд. Ещё и цветы в изголовье поправил, чтобы красивей стало. На себя защиту класть пришлось, чтобы чего не подхватить. Не настолько сложно, но силы отнимает, потом зябнуть буду.

Когда уже вылез, юноша поинтересовался:

– Ты в город? Могу подвезти, садись в телегу. И спасибо, – склонив голову в знак благодарности, он опять улёгся в телеге наискось, чтобы ноги болтались и вставать так удобно.

Я сначала даже не понял, больной он, калеченый или раненый. Я просто подумал, что если поеду с ними, может, тут и пристроюсь. После храма же устраиваться надо, почему не к ним. Люди не бедные, платить станут. Откормлены они лучше, чем мы. Я молча сел на телегу, прямо голой задницей на сено.

Маржик тоже просчитал перспективы путешествия с этими эгейцами и беспросветным сидением дома в храме.

– Я тоже с вами, – он сел сзади за всадником.

Солома колола голую задницу, так что приятного от этого мало, зато не позволяла расслабиться. Ехали медленно. В высоком небе парила хищная птица – то ли жертву выискивала, то ли кто-то соглядатая послал. Я разглядывал всадников.

– Ты что, замёрз? – парень услышал дробь, выданную моими зубами. – Возьми плащ, закутайся.

Плащ оказался хороший, добротный, тёплый, это удачно я так подсуетился... Если ещё с ними в их Эгею отправиться... или Македонию. Что-то я не понял, откуда они.

– Вы из Эгеи или Македонии? – осторожно поинтересовался я.

То, что Македония очень далеко, на задворках земель ахеменидов, входит в одну из самых бедных сатрапий, Скудрию, я слышал. А вот Эгея где?

Лежащий юноша хмыкнул:

– Эгея это та же Македония. Эги у нас сакральный город, старая столица.

– Александрос, только к вечеру к Ифесу подъедем. Может, привал? Хоть поедим, – обратился к юноше взрослый всадник, с уважением, с почтением обратился.

Я-то думал, что мы в обоз к сыночку чьему-то пристроились, а этот юноша, оказывается, сам правитель, командующий всеми войсками Македонии. Хотя...

– Подожди, твой отец базилевс Аминта? – поинтересовался я у хозяина, приютившего нас.

– Аминта, – согласился юноша. – Аэрроп, за поворотом остановимся, пусть гости наши у костра погреются. Поедим и дальше.

– Э... Я слышал, что Александра, сына Аминты, убили. Птолемей убил на свадьбе. И власть захватил, – вспомнил я последние новости, которые слышал.

Юноша, засмеявшись, закашлялся. Больной он что ли? Может, и убивали, да не добились.

– Отстань, не смейся, – отмахнулся от меня македонский александрос. – Ты меня ещё на живучесть проверь, не умерт-

вие ли я.

Мысль эта мне показалась здоровой. Я слышал, что иногда мертвецы возвращаются и выглядят как живые, а ночью потом тащат своих жертв в некрополь, где приносят в жертву своей хозяйке Экате.

– А Геша и проверит. Он у нас такой подозрительный, зато с бурной фантазией, – ехидно заметил Маржик.

– Тор, дай ему руку, пусть потрогает и убедится, что живой, – молодой рослый всадник другой стороны телеги словно заразился от Маржика ехидством.

Но ничего, я сам пощупал македонского александроса; действительно, пока живой – вот долго ли ещё протянет, неизвестно.

– Ранен что ли, – тут же определил я.

На жрецов учились, только из школы вышли, еще что-то помним.

– Давай, я тебе заговорю твою рану, а то скоро так же по реке отправишься.

– Ах, да, вы же жрецы, – александрос стянул с себя хитон.

Рваная рана пересекала грудь. Я припал к ней губами, ощутил кровь на вкус. Яда не было, но ощущалось что-то терпкое чуждое. Пришлось отсасывать, иначе эта гадость не даст ране затянуться. Облизнув кровавые губы, я тихонечко начал шептать над раной, чтобы сила зла не спугнула живительные всполохи.

Есть разные школы врачевания. Во врачебной школе на

Косе предпочитают лечить травами и ножом, у нас, в Эпидавре, – травами, заговорами и сновидениями. Так учат в школах Асклепия, но врачевание есть и в других жречествах. Есть лекари у Вакха, имена они получают Ясонов, это врачи во флоте. Готовят врачевателей и в храмах Аполлона, и в храмах Гермеса, и в жречестве Амфитриты, да много разных. Нас в Эпидавре учили не только травам, но и заговаривать раны.

Я соскочил с телеги, сорвал подорожник. Потерев его, приложил к ране. Склонившись над раной, я зашептал. Слова каждый раз рождались сами согласно ситуации, в этом и заключался навык шептунов:

– Ржа гремучая, ржа пущена, в струпья уйди, течь прекрати... Дерн, дерись, земля, крепись, а ты, кровь, уймись, – трижды произнёс я, сплёвывая в сторону.

Что-то в этой крови словно лишнее, чуждое, не яд, что-то иное. Если эти македонцы меня приютят, накормят, напоят, возможно, и разберусь. Просто так силы расходовать мы уже давно перестали, просто так только желторотая детвора лечит на первом году обучения.

Спор

– И всё-таки, почему ты не мёртв? – поинтересовался у александроса Македонии Маржик, когда мы наконец встали на отдых и разожгли костёр.

Я сел поближе к огню, чтобы наконец согреться. Всадник, которого звали Аэрроп, повесил над костром котелок с водой, набранной тут же в реке. Я заметил, что в город македонцы особо не спешили.

– Что вам в Ифесе надо? Что дома не сидится? – поинтересовался я у них, прогревая руки над огнём.

– Учусь я в Ифесе, в храме Ифеста, – александрос, вздохнув, подсел ко мне.

Водой из фляги он смыл засохшую кровь с тела, посмотрел на рану, затянувшуюся розовой, нежной плёнкой.

Оценил и похвалил меня:

– Хорошая работа.

Я сделал знак благодарности. Видя, что от объяснений ему не отвертеться, александрос начал объяснять:

– Учусь я в Ифестионе, уже и имя получил Аминтор – добрый коваль. Коваль это разновидность кузнечного дела.

Я уже слышал, что македонцы называют своего командира Тор. Видимо, так имя сокращают.

Подсели мы с Маржиком к нему с двух сторон поближе, пусть рассказывает, если хочет двух жрецов себе получить,

их-то, вон, почил. Да и нам интересно, что в других землях происходит, слухи-то не всегда точными бывают.

Между тем юноша продолжал:

– В прошлом году необходимо было войска собрать и урегулировать конфликт в Фессалии. Отец этого сделать не может, ему ноги парализовало, лежащий он, вот и сдёрнул меня с учёбы. Армия меня александром провозгласила ещё в моё отсутствие, так что не отвертись. В поход-то их кто-то вести должен.

Там мы с Птолемеем сцепились, мужем моей сестры Эвринои. Он всё при матери делал, пока я учился. Править-то надо, раз отец не может.

– Любовник что ли? – с усмешкой поинтересовался Маржик.

Ну он как всегда считает, что раз в правящей семье не родился, так управлять только через кровать можно.

– Сам ты любовник, – огрызнулся сидящий с нами всадник Аэрроп.

Я ничего не понял, но пока решил не углубляться. Тем более и македонский александр захихикал, ему явно понравилась такая шутка.

– В общем, сцепились мы с Птолемеем из-за Фессалийских земель, он же иллириец, хотел их под себя забрать. Тут фиванцы подсустились... – юноша вздохнул. – В общем, мой брат уехал в Фивы с Пелопидом, представителем ахеменидов, и ещё 30 юношами. Птолемей остался править, а я вот

доучиваться. Но если войска македонские придётся вести, опять призовут. А пока иллирийцы там щитом стали.

– Это тебе что ли под зад коленом дали? – Маржик попытался задеть его.

– Да нет же. Мать с Птолемеем могут между ахеменидским сатрапом и Фивами лавировать, а я их просто покусаю, – юноша подмигнул мне, словно я обязан оценить его шутку. – Сейчас главное – доучиться. Мыслей много, что дальше делать. Рыжему я ещё по башке наступчу.

– Рыжий это у нас кто будет? – полюбопытствовал я.

– Как кто, – хмыкнул Аэрроп. – Так Птолемея же.

Странные у них в Эгее отношения. Не поймёшь, то ли он

со своим зятем драться собрался, то ли просто по-родственному тумаками обойдётся. Непонятен и статус этого александроса: то ли он при государстве, то ли сам по себе. Главное, конечно, есть ли деньги. Я решил, что уйти всегда можно, а пока кормят, можно и расслабиться.

– А жрец ваш отчего погиб? – Маржик своей въедливостью мог и богов взбесить, но эгейцы остались спокойны, даже ироничны.

– Да сунулись мы не туда, – Аминтор хмыкнул, – по ночам не спится, приключения на задницу ищем.

– Интересно, – Маржик хитро окинул эгейцев взглядом.

Вот же кабан похотливый. Ладно, пусть эгейцы сами с ним разбираются. Я навалился на горячую готовую еду. Мы в школе больше голодали. Храм тоже вносил свою долю в ахеменидские подати, на нас и экономили. Ели мы с Маржилом за двоих, словно не двоих эгейцы жрецов нанимают, а всех четверых. Они-то вон какие гладкие и холёные, я у них готов просто за еду пахать.

– На приведение нарвались, – тихо пояснил Аэрроп.

– Сколько раз говорить, приведений не бывает, – отмахнулся от него Аминтор. – Наверняка какие-то жреческие штучки.

– А вот и бывает, сам видел, – вмешался Маржик. – Я знаю, что в храме Экаты они живут.

– На что спорим, что приведений не существует? – завёлся александрос.

– Если ты прав, у тебя год бесплатно жрецом буду, – Маржик самодовольно оглядел эгейца. – А уж если я прав, уж не взыщи, ты у меня год рабом будешь.

– Ребят, вы чего! – мне как-то этот спор неуместным показался. Да и Маржика я знаю не с лучшей стороны, в храме о нём слухи разные ходят. – Всё равно не проверите, мы же в Ифес едем. Нам в другую сторону.

– Ради такого дела можно немного и в сторону свернуть. В Ифесе нам в любое время рады, – решил Аминтор.

Видать, парень заводной, тут же повёлся:

– Кто спор судить пойдёт?

– Я с вами. Когда я ещё просто так в храм Экаты попаду? Посмотреть-то хочется.

Храм Экаты

– Отпущу тебя одного, мне сеструха, мать твоя, голову оторвёт, – Аэрроп покачал головой. Видать, правда приведений боялся. – Придётся идти. Ну кто тебя за язык тянул?

– Да ладно, чего бояться? Наверняка у них механизм какой-то, – отмахнулся юноша. – Что я, жрецов не знаю? Главное, страху на верящих напустить.

Вот так я молодой красивый образованный наглый и голодный, но уже состоявшийся жрец влез в эту авантюру. И компания подобралась под стать. То, что Аминтор безбашенный, это я понял, когда мы действительно завернули в сторону Кариин, в Лагины. Каких-то 800 с гаком стадий. При такой кормёжке это приятная прогулка в хорошей компании.

Пятым к нам примкнул юноша. Звали его Таннес, худенький маленький парнишка лет шестнадцати, вместе с Тором учащийся в Ифестионе.

Я сначала думал, что это девчонка переодетая, сестра александроса или любовница. Бывают такие девчонки, ни кожи, ни рожи, но решительные и смелые, бойкие такие, которые и мужику не уступят. Думал, что как раз такая с эгейцами затесалась, а это парень из Сидона оказался. Ещё и одет по-восточному во что-то обтягивающее, а на голове мягкая шапочка без тульи. Он за пазуху убрал ножи, хоть какое-то оружие.

Сидонец оказался другом Тора, так македонцы называли своего александроса. Этот мелкий, учившийся в Ифесе, тоже оказался азартным технарём, не верящим в божественные пути и привидения. Хотя каждый знает, что если человек неправильно погребён, то его дух не упокоится и привязан к этому миру останется. Так и появляются приведения. Но кузнецам это не объяснить, вот и теперь пойдём смотреть привидения. Договорились идти ночью, чтобы страшнее и загадочнее было.

– А если жрицы Экаты обернутся чёрными суками и набросятся на нас, зажрут, как охотника Актеона? – с ехидцей поинтересовался Маржик. – Или потом побегут по нашему следу. Сучий нюх лучший.

– Что же, если это их сущность, – Тор пожал плечами. – Или испугался?

– Дрожите как зайчики? – Аэрроп с интересом окинул взглядом собирающихся ребят.

– Что нам, зайцам, бояться? – хмыкнул Аминтор. – Мы вечно молодые и всегда возродимся. У нас много жизней.

Каждый знает, что зайцы много жизней имеют и, даже когда погибают, на луну поднимаются и, там возродившись, по весне опять на землю возвращаются.

Собирались мы долго. И чем дольше проходили сборы, тем больше холодок страха забирался внутрь. Когда мы наконец собрались, страх надёжно поселился внутри, свернувшись удобным комочком. В любой момент он мог, развер-

нувшись, показать свою звериную сущность.

Надев лямки на плечи и закинув мешок за спину, я собрался одним из последних. Кажется, откуда у голого человека вещи и что он собирал? А вот за это спасибо эгейцам, не оставили сиротку, одели, обули, накормили, нагрузили, и пошёл я со всеми, неся общие пожитки, кои могли пригодиться во время совместной авантюры.

Ночью двинулись в путь. Лезть в храм Экаты ночью – на это способны либо ненормальные, либо такие авантюристы,

как мы. Туман липкий, плотный двигался с реки. По нему медленно плыл голубоватый огонь, мерцающий, холодный, отрешённый.

Мы притаились.

– Странник пошёл, – тихо озвучил Аэрроп, хотя и так все знали.

Если присмотреться к этому огоньку, то можно увидеть, что это всадник едет. Но сейчас нам не до всадника. Погружённый в свои мысли, в свою реальность, Странник не страшен.

Никем не замеченные побежали мы к храму. Что-то хрустело под ногами, я гнал от себя мысль о человеческих косточках. Хотя у храма Экаты именно они могли так трещать, напоминая о таких же смельчаках и кровавых ритуалах богини.

Как назло, именно они вставляли красочными картинками перед глазами, и отогнать их не представлялось возможным. Я оглянулся на Маржика, тот вообще шёл белый, сам не хуже приведеный. А эгейцам хоть бы что. То ли нервы у них крепче, так как едят хорошо, то ли боги у них другие и в наших не верят. Узнать надо потом, а сейчас в смелости им не уступить.

Эката богиня колдовства, ночи, потусторонних сил, мёртвых и приведеный, вышедших из неупокоенных душ. Маржик опасается, что мы присоединимся к ним. Вон как насутился. А эти эгейцы весёлые, Тор мне подмигнул и как лось

вперёд поплёр. Это поразительно, что вообще нашлась компания таких полоумных, как мы, чтобы лезть в логово потустороннего мира. Знание ядов, волшебства, огородничества, синего пламени – всем этим владеют жрицы Чёрной богини. Как Медея, взывая к Экате, я вместе с остальными шёл к храму Великой Богини.

От порывов ветра скрипела старая ива, склонившая свои ветви над небольшим храмовым прудом. По чёрной воде едва пробегала рябь, и тут же вода затихала, словно боялась разрушить древние силы.

– Интересно, а сам храм мёртвые охраняют? – поинтересовался я.

– Тьфу на тебя! – огрызнулся Маржик. – Накаркаешь ещё.

Тор, слыша наш шёпот, обернулся к нам и тихо, улыбаясь до ушей, прошептал:

– Кар, кар...

Определённо, мне этот парень нравится.

– Ну что, зайцы, готовы? – перед самым храмом Аэрроп обернулся к нам. – Может, по-пластунски поползём, чтобы не заметили? Или как воробушки по веткам?

Храм словно вырастал из горы, обращаясь к верующим своими колоннами. Перед главным входом пылал огонь, освещая белые колонны, больше напоминающие зубы. Святая-святых Чёрной богини сокрыта в горных пещерах, и непосвящённым пути туда нет. Именно оттуда, как говорят, выходили привидения, следовательно, и нам надо именно ту-

да, к истокам этих мистических сил. Всё это мне напомнило лабиринт Миноса, очень не хотелось встретить какое-нибудь там чудовище, подобное Минотавру.

Мы забрались на гору, внутри которой находился храм. Лежа в тишине, высматривали внизу укромный вход. Вскоре он оказался найден сбоку в горе, кузнецы доглядели.

Если туда спускаться, то здесь, наверху, должен кто-нибудь остаться. Чур не я...

– Ну что, горе луковое, – Аэрроп протянул Маржику свистульку, – остаёшься здесь. Если что, свисти.

– Почему?! – обиженно взвизгнул мой дружок.

Я бы на его месте не только обиделся, но и в глаз засветил: пропустить всё самое интересное...

– Возвращаться станем, нас кто-то вытащить должен. Ты парень сильный. Не Таннеса же оставлять, – вот умеет Тор объяснять. Из Маржика прям герой-спаситель получается, а не трус, боящийся приведений.

– Ну раз так, вытащу, – согласился Маржик.

Таннис только фыркнул, пряча усмешку. Ни от меня, ни от дружка моего она не укрылась. Зря, Маржик парень злопамятный. А вот Тор молодец, позволил ему сохранить лицо.

Тут же спущена складная лесенка. Аэрроп помог Маржику её удобно и правильно закрепить, и теперь тот спускал лесенку только перебиранием пальцев.

Аминтор полез первым, за ним остальные. Замыкал Аэрроп.

– Только никуда не уходи, – напоследок велел он Маржи-ку.

– А если я пописать захочу, прямо тут писать можно? – донёсся ехидный ответ сверху.

– Можно, только осторожно, – ответил ему Аэрроп.

«Главное, чтобы на нас не попало», – мог бы я добавить, но испугался нас выдать. В ночи голос звучал бы очень громко, мог привлечь чёрных жриц.

В храме

—Зайчики, за мной, – скомандовал Аминтор, спрыгивая на землю, и, прижавшись к стене, рванул к круглой двери, скрытой в горе.

Мы, естественно, за ним. Вот он, зев лабиринта. Я только мог предполагать, какие ужасы нас там ждут.

Внутри темно, как в дупле дерева. Пригнувшись, по стене мы заскользили внутрь этого неизвестного помещения, больше напоминавшего пещеру, хотя, может, так оно и было. Кузнецы не боялись ничего. Я, чтобы не ударить в грязь лицом, тоже страха не высказывал.

По маленькой лесенке мы спустились вниз, погружаясь в темноту пещеры. Бордовый свет, окружавший их, наводил мысли о мире Мёртвых. Такой свет освещал слабо, мы двигались почти на ощупь. Этот чёрно-бордовый свет ещё и мерцал, словно дрожащий огонёк пламени.

Из-за этого мерцания мы чуть не проглядели, как по проложенным по пещере рельсам жрицы толкали гружёную железную телегу. Тор рывком метнулся за угол, мы за ним, и затаились на старых мешках, сваленных там. Почти сливаясь с ветошью и мешками, мы не привлекали внимания жриц Экаты.

По чёрной паутине, растянувшейся под сводом пещеры,

с лёгким треском пробежали синие вспышки, подобные маленьким молниям. Я слышал, что в городе Библ, что рядом с Сидоном, богиня, огромная Чёрная Паучиха Гибл, вот бы посмотреть её паутину.

Таннес, парень из Сидона, перебегая от колоны к коло-не, поспешил в глубь зала. Эти кузнецы действительно ничего не боятся. Наглые, быстрые, уверенные, мне понравились эти ребята, я с удовольствием с ними побегаяю.

– Тан, вернись, – цыкнул на него Аэрроп, но куда там, тот крался, как дикий кот, к облюбованной им странной колонне.

Я бы к такой колонне, светящейся слабым потусторонним зелёным светом, с исходящим от нее туманом, точно не побежал, боясь отравиться. Явно же чувствуется яд, хотя что от жриц Экаты ожидать – только смерти. А вот быстрой или мучительно долгой – это уже на их усмотрение.

Тор сиганул за ним. Нам с Аэрропом ничего не оставалось, как последовать за этими бешеными самоубийцами.

Когда мы их догнали, парни спокойно расположились у колонны. Таннес из крантика налил себе воды стаканчик и спокойно пил. В зеленоватом свечении видно, сколько жидкости ещё оставалось в колонне.

– У нас в Сидоне такая же была, только сломалась. – Таннес мелкими глоточками, с наслаждением пил воду. – Помнишь, ты механизм разбирал? Это всё, что от нашего осталось. А тут, смотри-ка, работает.

Тор сначала опустился перед колонной на задницу, потом встал на четвереньки и полез смотреть, как этот механизм крепится и работает. Сразу видно, за рану переживает. Я её хоть и затянул, но, видимо, побаливает.

— Ща поглядим, что они и как крепят, — тихонечко бубнил он.

Во полоумные, ничего не боятся. А если их богиня чем там шандарахнет за такие святотатства... Я с интересом сел рядом на корточки и тоже стал любопытствовать. Страшно, конечно, но кто мне второй раз даст такое посмотреть...

К этой странной колонне снизу тянулась чёрная паутиная нить, толстая, с мой палец. Паутина очень полезна на раны, это я знаю, этому нас учили. Мне очень захотелось узнать, насколько целебна эта чёрная жирная... Может, в ней больше лечебных свойств? Кузнецы хотели что-то сказать, но я раньше схватился.

Помню только щелчок, вспышку в черепе и полёт... Отбросило меня знатно.

— Умеет же Эката кусаться, — открыв глаза, я увидел склонившегося надо мной Таннеса. — Как она меня...

— Знахарь очухался, — сидонец тихо оповестил остальных.

— Чему их там в храме Асклепия учат, — слышалось ворчания Тора. Я скосил глаза, тот ещё ковырялся с колонной. — Как можно вот-так, голыми руками...

— Ч-ч... Это знания Ифеста, о них при посторонних не говорят, — одёрнул друга Таннес. — Ты схему срисовал или

так запомнил?

– Запомнил, – ворчливо ответил Тор. – Пошли дальше, мне тут начинает нравиться. Может, ещё что из старого сохранили.

– А чем это меня? – Я поднялся, вроде полегчало, ощущение непередаваемое....

– Оружие богов, – отмахнулся Таннес. – Ты везде свои грабли только не суй, и всё будет просто замечательно.

– Мне бы такое оружие, – завистливо протянул я.

Вокруг захихикали. Оказывается, я сказал что-то весёлое, только сам не понял что....

Теперь уже кузнецы с жадностью оглядывали пещеру Экаты, выискивая древние знания. Они выглядели словно голодающие дети, дорвавшиеся до еды. Что не понадкусывают, то за пазуху спрячут. Все даже забыли, что вокруг могли оказаться чудовища мира Мёртвых, служащих чёрной богине.

– Стоп, мы сюда пришли приведения ловить, а не факультатив Ифеста устраивать. Не забыли, это храм Экаты, а не вашего бога кузнеца Ифеста. – цыкнул Аэрроп на кузнецов, уже потиравших в азарте ручонки загребушие.

На правах старшего он отвесил юным жрецам по подзатыльнику. Те, поперемигивавшись, захихикали.

– Зайчики, скачите-ка отсюда, – Аэрроп, по-видимому, хорошо знал своих подопечных, – вы спорили на приведения, вот и давайте их искать. Здесь их нет, это хозяйственные помещения, значит надо идти ближе к некрополю.

– Это через весь храм... – Таннес стянул свою шапку, почесал зудящую под ней голову и водрузил берет на место.

Тор ещё раз окинул взглядом тёмную пещеру храма:

– Вон там вход вниз в храм.

Они по стенке, прячась в закоулках, хоронясь в тёмных углах, скрываясь за разваливающимися старыми мешками и ящиками, стали пробираться к мраморному спуску вниз.

Лестница, ведущая вниз, в нижние помещения храма, совершенно не соответствовала всей рухляди, находящейся в помещении. Чистая, из белого мрамора, вела вниз к металлической двери. Наличник двери тоже мощный, широкий, мраморный, такой же и парапет. Всё, что относилось к храму, монолитное, мраморное, чистое, а пещера же полностью захламлена оказалась. Невозможно уже было представить, как она выглядела раньше, без рухляди, освещённая с бегущими по рельсам вагонетками. Всё это уже далеко в прошлом, забыто и похоронено.

Мы остались сверху, а Таннес, как мышь, юркнул к двери и заколдовал над ней.

– Ааа... – я непонимающе перевёл взгляд на Тора, это же к кому я наниматься решил...

– Ювелир он, любой замок вскрыет, переберёт и назад вставит, – хмыкнул александрос.

Вот сейчас самое время замки перебирать, вздохнул я. Ну если ювелир и вскрыет, то честь ему и хвала, а нам новые приключения на наши задницы.

Таннес молча и медленно, посасывая большой палец,ковырялся в механизме замка. Аминтор навис над ним, как скала, и что-то подсказывал. Тот привычно отбрёхивался, но видимо, это ему не мешало, и он продолжал своё черное дело.

Тишина в жилище богини

Храм ещё сохранял своё величие, потерянное при Персидских войнах. При оккупации ахеменидами его никто не ремонтировал. Так же, как и везде, все ветшало день ото дня всё быстрее и быстрее. Мы, родившиеся уже после Персидских войн, после войны с Ассирией, многого уже не застали, а старики рассказывали то, что видели ещё их отцы.

Вскоре путь освободился, и мы шагнули в святая святых Треглавой богини Экаты, в её храм.

В одну из начищенных панелей на стене я увидел себя. На меня смотрел очень молодой мужчина высокий, изящного телосложения да к тому же худющий, отчего смотрелся ещё выше и несуразнее. Вытаращенные, вылезшие из орбит жёлто-зелёные глаза, заострившиеся скулы, короткие волосы, вставшие дыбом, как у Медузы после стрижки... и с таким видом я хочу устроиться, на хлебное место... Нда... Сам бы я такого не взял на должность...

Зауток, в который мы вошли, напоминал кухню. Здесь, видимо, варили какие-то зелья и снадобья. Дальше мы спустились по железной лестнице. Наши шаги, как молот, отдавались в тишине подполов храма. Это несмотря на то, что мы старались производить как можно меньше шума, даже крадась, как привидения. То, что сейчас на этот грохот сбегутся все жрицы, я не сомневался. Очень хотелось, вжав в плечи

голову, бочком-бочком удалиться в спасительную и уже такую знакомую пещеру. Но я сам видел, как Аэрроп за нами дверь прикрыл, и отступить некуда. Моя ненормальная компания пёрла вперёд, и я с ними. Хочешь жить – умеи приспособливаться, вот я и приспособливался. Все тут смелые и дерзкие, а я чем хуже? «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», – подумалось мне. Оттеснив впереди крадущегося Таннеса, я встал в авангард группки. Тан что-то у меня за спиной обиженно мяфкнул, но я не стал обращать внимания и, осторожно спустившись по лестнице, выглянул за угол.

Передо мной оказался узкий чистый коридор со слабым светом. Пахло алоэ и корой ладанника. Никак в дом Мёртвых вошли. Не люблю я всё, что с похоронами связано, но в нашей знахарской профессии без этого никак. Не каждому больному Асклепий силы даёт на ноги встать, так что дом Мёртвых и при нашем храме существовал. Ребята уже подталкивали меня, и всей честной компанией мы вывалились перед очами жрицы, куда-то спешащей по делам мёртвых. – Мальчишки, а вы что тут делаете? – удивилась невысокая женщина пышных форм. Даже не отдавая отчёта в своих действиях, я шагнул к ней, лизнув пальцы руки. Я резко дотронулся до её лба... – Спать! – велел я. Ребята подхватили оседающее тело и усадили на стул, найденный здесь же, в углу. – Сильно ты! – восхищённо присвистнул Тор.

Таннес одобрительно похлопал меня по плечу. Больше не останавливаясь на инциденте, мы поспешили дальше. Уже

никто не препятствовал, чтобы я шёл впереди. Притаившись за углом помещения с отдыхающей женщиной, мы пропустили вперёд двух жриц, мирно беседующих о пропорциях какого-то раствора. Словно мыши, мы прошелестели за ними, не привлекая внимания. Они вошли в большое помещение и тут же скрылись в боковом проёме. Страшно уже не было. Азарт и предвкушение тайны переполняло, они вели вперёд. В одном из тёмных закутков стояла большая клетка. Я даже сразу не разглядел, что в ней. Прошёл бы мимо, но слабый, жалобный скулёж привлёк моё внимание. Как по сердцу когтем прошёл. Я всмотрелся в клетку. Там кучей рыжевато-го меха лежала псина, мёртвая, вокруг холодные тельца щенков. Но один слабо поскуливал, поднимая вверх свою мордашу. Даже не переглянувшись, мы с Таннесом рванули к клетке.

Сидонец вскрыл клетку. Я тут же взял на руки щенка. Это тёплое маленькое тельце... Как он выжил? Как вообще могли оставить его умирать в храме те женщины? Как они могут быть такими чёрствыми? Малыш мордочкой потянулся ко мне, как к чему-то тёплому.

Я обнял его, прижал к себе. Я слышал, как стучало его маленькое сердечко. Тор протянул мне тряпку, успел что-то снять из своего одеяния. Я-то одет в одну хламиду. Сделав обвязку, я вложил туда щенка, согревая его своим теплом. Он там тихо бурчал, пригреваясь, его мордашка елозила по моему телу, видимо, сосок искал, чтобы наестся. За мамку меня принял. В этом холодном доме Мёртвых мне привелось встретить существо, рвущееся к жизни.

– С собой берём, пошли, – шикнул на нас, разомлевших над малышом, Аэрроп. – Вперед, зайчики, вперёд. И по сто-

ронам смотрите, детёнышу еда нужна.

Некрополь

Прячась в нишах, прижимаясь к стенам, мы двинулись дальше. Так мы добрались до большой центральной лестницы, ведущей наверх, в храм. Большая лестница сделана из белого мрамора имела тяжеловесную, но красивую балюстраду, вся чистая и светящаяся. По ней спускались двое. Невысокий престарелый мужчина лет пятидесяти, состоятельный, занимающий высокое положение в обществе, о чём говорил его сиреневый гиматий. Его спутница или, скорее, сопровождающая местная жрица, высокая дородная, красивая. Она разговаривала с таким достоинством, которому могли позавидовать даже богини.

– ...Пойдёмте, я покажу вам, и вы увидите всё сами..., своими глазами.., – говорила она мужчине.

Спустившись, они скрылись в одной из ниш, за приоткрытой дверью.

Пока никого не было, я по лестнице поднялся почти на пролёт.

– Геш, вернись, – шикнул мне Тор. – Мы приведения ищем. Наверху их точно нет.

Таннес между тем следом за жрицей и её гостем юркнул в ту же нишу, припал глазом к приоткрытой двери. Мы с Тором последовали его примеру. Оказаться в храме Экаты и не сунуть нос в её тайны – себе бы никто этого не простил.

Любопытство бы потом заело.

В помещении много народа. Прибывший мужчина что-то вещал, но сквозь общий гвалт разобрать невозможно. Жрицы радостно прыгали и хлопали над головой. А так хотелось дослышать, чему они так радуются.

– Совсем без мозгов, – шикнул на нас Аэрроп. – Нас сейчас по вашей милости здесь и сцапают.

– Прячясь, – услышали мы тревожный шепот Аминтора и, как две испуганные пичуги, отлетели от двери в спасительную тень ниш.

Рядом, по железной лестнице, почти что такой же, как та, по которой мы вошли, спускались ещё жрицы. Одна оказалась такая хорошенькая, симпатичная, а другая ну вылитая моя мать, такая же высокая, статная, с прямой спиной и величественной осанкой. Я даже присел от неожиданности. Тьфу, не мама оказалась, просто местная жрица...

– Похоже, выход на другую сторону, – прошептал Тор. – Пошли.

И мы пошли и вылезли под чистое ночное небо.

Над нами ярко светила полная луна, это же надо так подгадать, чтобы лезть в храм Тёмной богини в полнолуние. Хотя именно при ней мы, скорее всего, и встретим приведения, если они есть.

Мы двигались, прячась в тени мощного забора, отделяющего некрополь от остального мира. Вокруг стояли вековые деревья, стволы их в один обхват не обнимешь. Это свя-

ценная роща вокруг города мёртвых. Интересно, такой монолитный забор возвели вокруг покойников, чтобы отсюда никто не вышел? Пока же ничего вокруг не говорило о наличии приведений. Похоже, что нам всё же придётся идти в некрополь. Да есть ли эти приведения вообще?

Что-то я уже начинаю сомневаться. Видимо, Маржику всё же придётся год в рабах походить. Внутри всё злорадно захихикало. Другом Маржик мне никогда не был – так, приятель. Многих его взглядов на жизнь я не только не разделяю, но и брезгую. Осторожность, выжидание, выглядывание – это совсем не про меня, да и женщины мне всегда нравились, очень нравились, в отличие от мальчиков.

Забор заканчивался вереницей арок. А я думал, забор

сплошной и в некрополь ведут тяжёлые ворота. Если бы в некрополе жили привидения, они бы спокойно передвигались везде и никто бы их не сдерживал.

Вытянув голову, я заглянул во внутрь. Пусто, нет никого и ничего, ни живых людей, ни мёртвых.

Луна своим серебряным блеском освещала город мёртвых. Лунный свет отражался от надгробных камней, памятников почему-то нет.

«Может, здесь хоронят только жриц?» – подумалось мне.

В некрополе нет деревьев, ничто не закрывало мёртвым небо. Звёзды и луна нависли над могилами. Такое высокое тёмное небо, безграничное, притягательное... Оно было всегда и будет всегда, люди под ним рождаются, живут и умирают. Их нет, а небо есть, и свет от луны играет на их могилах.

Что-то меня на софистику потянуло.

Кругом росли цветы, жёлтые в лунном свете. Асфадели. Вот они луга асфадели. Цветы колышутся от дуновения ветра. Разрослись так, что напоминают море. Кусты, напоминающие острова... и надгробия – рифы.

Всё это земли храма, сюда можно попасть только через него или священную рощу Экаты, с южной стороны.

– Привидений нет, – разочарованно протянул Таннес. – А я думал, хоть механизм какой будет.

Наш живчик первый пробрался в Некрополь, продолжая оглядываться по сторонам. Всё ещё надеялся. Мне же хватило одного взгляда, чтобы оценить всё: и как тут тихо и спо-

койно, и что, кроме нас, никого здесь нет, и что всё наполне-
но тихим умиротворением. В такой благодати не упокоенные
жить не могут.

Таннес пружинисто скользил между надгробиями, он
чем-то напоминал дикого рыжего кота с поднятым в боевой
стойке хвостом и нахлобученной на голову мягкой шапкой
без козырька. Самостоятельный такой важный котик, я даже
хмыкнул от одной такой мысли.

– Геш, что лыбишься? – Тор подтолкнул меня плечом, и
мы побежали следом за наглым сидонцем.

Ночное купание

На юге от некрополя начинался природный арочный коридор из древних деревьев, к которому мы и направлялись. Ощущалось в нём что-то волшебное, необычное... Если уж привидений и тут не будет, то их не будет нигде.

Щенок, подвязанный к телу, затрепыхался сильнее. Живучий какой, сильный, шебаршится, не иначе есть хочет. Я бы и сам не отказался. Облизываясь, я побежал к природной арке. Есть хотелось, перед глазами всплывали картинки с горячей похлёбкой или горячей дымящейся кашей. О мясе я давно уже не мечтал. Ничего, надо терпеть.

Из-за вкусных видений я чуть не навернулся о корень, пришлось возвращаться в реальность.

Арка, созданная самой природой из вековых деревьев, смотрелась восхитительно красиво. Она выделялась каким-то сверхъестественным свечением среди ночной рощи. Мы всей компанией ломанулись туда. Хвала богам, в некрополе никого нет, а тех, кто был, мы уже своим топотом разбудить не могли.

Запах асфадели смешивался с запахом вербены. Шелест листьев на деревьях глушил ночные песни птиц. Ночная жизнь рощи завораживала.

Сквозь вековые деревья собрано пролетали белые тени... Они походили на плотные рваные куски тумана. Неужели

привидения?! Я во все глаза следил за этими белыми сгустками словно заворожённый. Ребята же помчались туда, откуда они вылетают. Вот же безбашенные, ничего не боятся. Я побежал за ними.

Они добежали до толстого большого дерева, с северной стороны покрытого мхом. Кузнецы переглянулись и ... Таннес, словно крот, вкопался в рыхлую землю под корнями древнего исполина. Аминтор, что-то проследив по стволу, полез на дерево. А потом эгейский александрос полез по толстой ветке. Двигался он медленно, осторожно, словно боялся сорваться. Я бы быстрее пролез, высоты-то я не боюсь да и полегче буду. Жаль, не знаю, что он там ищет.

Кузнецы переговаривались на каком-то своём, мне непонятном языке. Таннес вытащил из вывороченных корней дерева металлическую коробочку, её детали снял с ветки Тор. Я лишь понял одно, что этот механизм выпускал в мир то, что я принял за приведения, и не только я один. По-видимому, эти видения многие местные считали неуспокоенными душами. Вот же хитрые жрицы.

Таннес снял с головы свою шапку и уложил механизм в неё.

Где-то в отдалении ухнуло, послышался скрип ломающегося дерева, какое-то завывание.

– О, ещё одно, – кошачьи глаза сидонца светились от охватившего его азарта.

– Тан, нам и этого хватит, – постарался остановить друга

Тор, – этот разберём, ещё изучить...

– Два надёжнее, – возбуждённо шептал шебутной Таннес, почти переходя на довольный и урчащий мяф в предвкушении игрушки.

Аминтор махнул рукой:

– Делайте что хотите, только тихо.

Таннес вместе с Аэрропом скрылись в темноте.

– Как дети прям, – вздохнул Тор, и мы с ним тихо стали пробираться к дороге.

С прискорбием для Маржика я вынужден признать, что привидения в храме Экаты были плодом жреческих штучек. Сам видел, богами присягнуть могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.